

18+

*Мухина
Ирина*

*«Декамерон» эпохи
самоизоляции*

Ирина Мухина

«Декамерон» эпохи самоизоляции

«Издательские решения»

Мухина И.

«Декамерон» эпохи самоизоляции / И. Мухина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513704-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Каким бы трагическим ни казалось происходящее, на него можно ответить словами царя Соломона: «Пройдёт и это». Что же останется? Персонажи, запертые в «консерваторе», убеждены, что Любовь и Милосердие вечны. Истории, рассказанные в бельевой, не о том, что творится вокруг, а о людях, которым самоирония и юмор помогают пережить трудности. Десять остросюжетных историй напомнят читателям, что пандемия закончится. Каким будет мир? «Какими будем мы, таким будет и мир», — убеждён Михал Михалыч.

ISBN 978-5-00-513704-3

© Мухина И.
© Издательские решения

Содержание

«Декамерон» времён самоизоляции	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

«Декамерон» эпохи самоизоляции

Ирина Мухина

© Ирина Мухина, 2020

ISBN 978-5-0051-3704-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Декамерон» времён самоизоляции

31 марта 2020 года рейс Москва (Внуково) – Краснодар (Пашковский) прибыл по расписанию в 21.20. Несмотря на карантин, самолёт был полон. Не успели приземлиться, как бортпроводница объявила:

– Уважаемые дамы и господа! Командир корабля благодарит вас и просит серьёзно отнестись к следующей информации. В связи с карантином, объявленным на территории Краснодарского края, вам необходимо пройти тщательное медицинское обследование. Вас ожидает медицинская служба. Дальнейшую информацию о передвижении в пределах края вам также предоставят врачи. Командир корабля и экипаж желают вам здоровья и всего наилучшего.

В салоне возник ропот, но тут же потух: возмущайся не возмущайся – ничего не поделаешь. В тишине раздался мужской голос:

– Да, попали так попали...

Выходили не торопясь, тщательно собирали вещи, протирали салфетками руки, кто-то менял маску, а кто-то был и вовсе без неё.

Сели в автобус. В здании аэропорта получили багаж и в сопровождении охраны, дюжих молодцев с одинаковым выражением лиц, направились в отгороженную часть зала ожидания. Два десятка кресел заняли женщины с детьми, пожилая пара, одинокие старушки. Остальные – на полу, на чемоданах, стоя. Все понимали, что возмущаться бесполезно. Старушка, подкрашивая тонкие губки, прошепелявила:

– Если и есть среди нас здоровые, то это не надолго.

Комментировать её слова никто не стал. Через час охранники принесли две упаковки воды, стали по очереди выводить в туалет. Подошла бригада медиков.

Пассажиров без температуры и с местной пропиской, а таких было большинство, отпустили по домам, снабдив строгим предписанием о соблюдении двухнедельной самоизоляции. Потом увезли температурающих. Оставшихся вывели через боковой вход, подогнали «Газель». Люди с удовольствием стояли на улице, вдыхая свежий воздух. Последним вышел врач. Его осунувшееся от усталости лицо ничего не выражало, тихим голосом он произнёс:

– Уважаемые пассажиры, вас осталось меньшинство, мы отвезём вам в санаторий в Анапу, где вам предстоит отбыть двухнедельный карантин. По истечении этого срока в случае удовлетворительного состояния вы получите необходимые справки и сможете самостоятельно следовать в место назначения. Время в пути – 2,5—3 часа, остановка только в самом крайнем случае.

В «Газели» оказалось четырнадцать пассажиров. Все молча заняли места, радуясь, что можно наконец отдохнуть. В Анапу машина прибыла почти в 2 часа ночи, пассажиров наскоро разместили в комнатах по двое.

Под «консерватор», по меткому выражению одного из местных чиновников, отвели пионерский лагерь, в котором только начались работы по подготовке к «Лету-2020». Пыльные коридоры, захламлённые комнаты, где наскоро освободили кровати, закрытые наглухо окна. В одной из комнат двое мужчин вопросительно посмотрели друг на друга:

– Ну что? Будем располагаться?

Тот, что постарше, крупный, энергичный, первым протянул руку:

– Николай! Мне всё равно, где спать, поэтому выбирайте, где вам будет удобнее.

Второй, лет на пятнадцать моложе, улыбочивый, ответил:

– А я Юрий. Тогда, если можно, у окна.

Утром медсестра приоткрыла дверь, поставила на табурет поднос с завтраком: яйца, хлеб с маслом, кофе с молоком, похожий на воду, в которой полоскали акварельные кисточки. Два

ртутных градусника. На листке бумаги – текст, где указан распорядок дня и время для личной гигиены.

Николай проснулся первый, встал, с удовольствием потянулся, подошёл к табурету:

– Не густо, Юрик, не отошать бы...

День тянулся медленно, за окном пасмурно, первая зелень только покрыла липы за окном, в траве пестрели примулы, но радости это не прибавляло. Разнообразие вносила только еда да посещение туалета, расположенного в конце коридора, одного на всех. Николай уже рассказал, что живёт в Псебае, занимается дизайном мебели из ценных пород древесины, увлекается резкой. Юрий внимательно слушал, потом снял очки, потёр переносицу и глуховато произнёс:

– Коля, я должен вам сказать кое-что важное. Вы должны знать... У меня ВИЧ. Уже более пятнадцати лет. Поэтому вы вправе требовать, что вас или меня отселили, если вы боитесь.

– Юноша! – наигранно важно произнёс Николай. – Если мы с вами не будем колотиться одним шприцом и не будем заниматься незащищённым сексом, так нам ничего не грозит? Я правильно понял?

– В общем-то, да, – рассмеялся в ответ Юрий.

– Двадцать первый век на дворе... ну кто не знает...

– Многие и знают, да что толку.

Потом он рассказал, что уже десять лет живёт в Москве, учитель информатики, один из первых начал развивать перспективное направление – удалённое преподавание предмета. Поэтому сейчас не паникует, работает с учениками в обычном режиме. Едет навестить мать, которая живёт в Дивноморске.

После обеда Николай, устраиваясь на кровати, с сожалением заметил:

– К стыду своему редко читаю, мало, всё больше рисую, но вот сейчас бы от книжечки не отказался... Не люблю читать с телефона. Может, попросить?

Юра порылся в чемодане, достал шикарную книгу в подарочном оформлении, протянул соседу:

– Вот, всё, что есть... Маме везу в подарок, она читает только бумажные, любит красивые книги. А это юбилейное издание. Джованни Боккаччо, итальянское Возрождение, «Декамерон». Иллюстрации Сальвадора Дали.

– Не слышал... Любопытно. Возрождение – это век 14?

– Да, есть и фильмов несколько.

– И о чём?

– В Италии свирепствует чума, и небольшая компания уединяется, чтобы не подвергать себя опасности. В течение десяти дней они развлекаются тем, что рассказывают по очереди занимательные истории.

– Прямо как мы сейчас!

– Конечно! Всё это уже было... Вот и решил подарить маме, напомнить о том, что всё в мире повторяется... И имеет свойство заканчиваться...

– Да вы, юноша, оптимист, с вами приятно общаться... А то вокруг паника, пустая болтовня, не знаешь, кому верить.

– Я думаю, что переизбыток информации – это тоже кому-то нужно... Страх, паника, это, что называется, идеально для тех, кто ловит рыбку в мутной воде. Поэтому давайте договоримся, короновирус, политика – эти темы под запретом. Правду об этом мы узнаем не скоро... Нет смысла спорить, кто прав, кто виноват. Нам важно в этой ситуации сохранить здоровье и нормальную психику. Не поддаваться массовой истерии, которая прёт из всех дыр, особенно с официального телевидения. Идёт?

– Конечно! Как говорит моя жена, категорически с тобой согласен.

Остаток дня Николай провёл, не отрываясь от «Декамерона». Иногда хохотал в голос, иногда вслух зачитывал смешные места, иногда побрякивал:

– Гы-гы, а вот и с перчиком...

К вечеру отложил книгу:

– Юрик, мы так долго не протянем... И книжка кончается. Интересно, как там наши «подельники»? Нас вроде много было. Ты кого-нибудь видел?

Оба и не заметили, как перешли на «ты».

– Нет, когда в туалет выходил, кто-то закрыл дверь в соседней комнате.

– Мозги от безделья кипят! Дома дел невпроворот! А Аня, жена моя, обещала чебу-реками с сыром встретить! Сердце слюной обливается.

– Коля, а давай поиграем в шпионов? Постараемся наладить связь с товарищами по несчастью!

– Давай!

Перед сном Николай вышел в туалет пораньше, за зеркало над раковиной засунул записку. Расчёт был таков: если дезинфекцию проводят за каждым и тщательно, то записку увидят и сделают замечание. Если нет, то есть шанс, что кто-нибудь её прочтает. Текст гласил: « Николай – номер телефона, Юрий – номер телефона... Предлагаем наладить связь, чтобы разнообразить наши суровые будни. Прочитал сам, передай другому. Вечером можно созвониться. Приглашаем только адекватных. Трясущихся от страха просим не беспокоить, но и не мешать.» Когда перед самым отбоем вернулся из туалета Юрий, записки там уже не было.

– Судя по тому, что дезинфекцию никто не делал, записку взял кто-то из наших.

Через час зазвонил телефон Николая:

– Добрый вечер, я Елена. Мы с соседкой готовы к общению. Завтра утром передадим вашу записку и добавим наши телефоны.

– Молодцы девчонки! – рот Николая расплылся в улыбке, потом он спохватился, – ничего, что я так фамильярно?

– Да что вы! Это даже приятно!

К концу третьего дня «Общество сторонников гуманизма», как его назвал Юра, насчитывало уже десять человек. Четверо на связь не вышли.

– Вполне достаточно для нормального общения, – подвёл итог Николай.

– Теперь на повестке дня место встречи. Не может же быть, чтобы не было пустой комнаты или кладовки какой-нибудь незапертой.

Через несколько минут интеллигентный мужской голос рассказал, что большая стеклянная дверь в конце коридора не заперта и ведёт в другое крыло здания. Там всё закрыто, кроме бельевой. Комната большая, без окон, мебели никакой, но есть тюки с бельём, какие-то матрасы – короче, сидеть есть на чём.

– Юрик, обзванивай остальных, труби сбор! Место встречи изменить нельзя! Всех впускать, никого не выпускать! – Коля оживлённо сыпал фразами из любимых фильмов.

Договорились собраться в бельевой в час ночи.

Юра достал стильную рубашку, приложил к груди:

– Коля, как ты думаешь, я произведу впечатление на дам?

– А то! – коротко засмеялся Николай, роясь в своих вещах. – А как же я про это забыл?

Он вытащил бутылку французского коньяка:

– Сват подарил! Вот и пригодится. Аня обещал, да ладно, простит! Случай исключительный. Сигнал всем, чтоб каждый со своим хрусталём...

Когда Коля и Юра пробрались в бельевую, там уже сидели человек шесть.

– Рады приветствовать вас!

– За руки не здороваемся. Соблюдаем социальную дистанцию, – слышался тихий голос, – как врач, я настаиваю на соблюдении элементарных правил безопасности. Комната большая, всем места хватит.

Электричества не было, да и всё равно включать его было бы опасно. Договорились подсвечивать телефоном только бутылку.

Николай взял инициативу в свои руки:

– За знакомство! Пусть всё это скорее закончится с минимальными моральными и материальными потерями. И пусть будут все здоровы! – поднял он пластиковый стаканчик.

– Не будем чокаться, – слышался голос женщины-врача, – вставать неудобно.

– Опять же нарушение социальной дистанции, – заметил кто-то с кавказским акцентом.

– Никогда не думала, что тост за здоровье приобретёт такой глубокий смысл, – грустно сказала какая-то дама, – так как же будем знакомиться?

– А у меня идея! – подал голос Юрий, – Николай вот читает сейчас «Декамерон». Давайте последуем примеру персонажей.

– Это какому примеру? – Николай, вспомнив эротические подробности последней прочитанной новеллы, зашёлся в смехе.

– Я, как киновед, могу пояснить, – приятный мужской голос вступил в разговор, – каждый из присутствующих расскажет историю, желательно из своей жизни, мы познакомимся – это раз, не будем обсуждать то, что происходит за бортом нашего корабля – это два.

– Отличная идея! Мне кажется, надо по книжке. Нас десятеро, карантин закончится через десять дней. Вот каждому по вечеру и достанется, – Юрий был в восторге от своей идеи.

Киновед поддержал:

– Что ж, молодой человек, вам и начинать!

– А я с удовольствием! Меня зовут Юра, Юрий Алексеевич.

– Прям Гагарин! – перебил кто-то.

– Вот именно! Это первая кличка, которую мне дали дети. Я учитель информатики, родом из Дивноморска. Это недалеко отсюда. Наверное, хорошо, что нет света. В темноте легче рассказывать. Дело в том, что у меня ВИЧ. Да, если кому-то неприятно, я могу уйти. Я не обиюсь, привык уже.

– И мы тогда ничего не узнаем, – заговорщически произнёс женский голос, – нет уж, оставайтесь. Предложили игру – и в кусты?

Даму поддержали остальные. Это воодушевило Юру, и он продолжил:

– Тогда я буду рассказывать от третьего лица...

История первая. Двадцать первый век на дворе...

Даже в их «блатной» гимназии с учителями было туго. Приморский южный город, в девяностые многие ушли в гостиничный бизнес, в школе остались те, кто больше ничего не умел, и те, кто не мыслил себя без педагогики. Последние были в меньшинстве. Как и везде.

За пару десятилетий положение с кадрами не изменилось. Второй год не было учителя информатики, Людмила Борисовна раздавала эти часы математикам, физику и даже один класс «пристроила» психологу. 26 августа, после педсовета, она сидела с чашкой кофе, когда секретарша, приоткрыв дверь, громким шёпотом спросила:

– Учитель информатики! Примете?

– Конечно, пусть заходит!

– Перед Людмилой Борисовной стоял молодой человек, высокий, немного сутулый, в очках, довольно симпатичном костюме.

– Садитесь, я – директор, Людмила Борисовна. А вы? – спросила она как можно дружественнее.

– Я Юрий Алексеевич Одинцов. Учитель информатики, – опускаясь на стул ответил он. Полминуты изучали друг друга: она – открыто, со смешинкой в глазах, он – заметно волнуясь, не поднимая глаз, глухо покашливая. Сколько ему? Не больше 24—25. Глубокая морщинка между бровями делала его старше.

Определились быстро, новый учитель готов был взять любую нагрузку, факультативы, проектную деятельность – всё, что дадут:

– Видите ли, я живу с мамой, она пожилой человек, неважно себя чувствует. Хочется создать ей максимум комфорта, она содержала меня все пять лет обучения в университете, – он слегка покраснел.

– А во время обучения подрабатывать не пытались?

– Людмила Борисовна, я не имею права вас обманывать, но у меня заболевание... – молодой человек занервничал, – у меня... ВИЧ.

– Вот это поворот, мне надо подумать...

– Мне очень нужна эта работа... Я не подведу вас, – последние слова дались ему с трудом.

– Вроде бы у нас 21 век на дворе... Коллектив у нас интеллигентный, информации достаточно... Была ни была – пишите заявление. Оформляйтесь у секретаря.

Юрий Алексеевич вытер ладонью пот, поправил очки:

– Спасибо большое.

– Большое пожалуйста, но эту информацию мы разглашать не будем. Хотя и 21 век на дворе. Согласны?

– Безусловно.

Как информация просочилась в коллектив, она не знала. Скорее всего секретарша Светочка подслушала под дверью. Больше никому.

Юрий Алексеевич уже через неделю почувствовал, что за его спиной идёт обсуждение. Что-то витало в воздухе, сгущалось, когда он заходил в учительскую. Иногда разговор прерывался на полуслове, и преподаватели потихоньку расходились. Некоторые были дружелюбны, с удовольствием посвящали в тонкости педагогики, помогали с документацией, составлением программ. С такими он общался легко и непринуждённо. Но образовалась небольшая группка, в основном учителя пенсионного возраста, которые старались обойти его, поджимали губы, когда он обращался с вопросом. Юрий Алексеевич видел, что группка эта растёт. И это здорово отравляло его жизнь.

Дома он старался не посвящать мать в свои предчувствия, зато взахлёб рассказывал о детях. Его встретили дружелюбно, сразу дали кличку «Гагарин». Когда он рассказал им о том, чему можно научиться на уроках информатики, у многих округлились глаза. А Юрий Алексеевич старался! Не обращая внимания на температуру и потливость, которые стали первой реакцией на переутомление, он просиживал за компьютером допоздна, делая каждый урок интереснее предыдущего. Он был уверен: если докажет, что умеет заинтересовать ребят, то всё образуется. В этом была доля правды.

Конец октября. Людмила Борисовна уже знает, что главная тема разговоров в коллективе – «бедный Юрочка» или «аморальный тип, которым не место в школе». На большой перемене зашла в столовую. Юрий Алексеевич сидел один, остальные столики были заняты. Людмила Борисовна взяла салат:

– К вам можно?

– Конечно, – он вскочил, пододвинул стул, неловко уронил вилку.

– Юрий Алексеевич, говорят, 10 «Б» вам сдался без боя? – хитро спросила она.

– Мне нравится с ними работать. Они живые, если им интересно, они хорошо себя ведут.

– Отлично! Вам, как молодому специалисту, нужно дать открытый урок. Думаю, 10 «Б» для этого подойдёт. Следующий понедельник вас устроит?

– Конечно.

На открытый урок директриса пришла сама, прихватила ещё троих учителей, кто больше всего будоражил коллектив.

Юрий Алексеевич смутился, когда увидел целую комиссию. Он неважно себя чувствовал, с утра появились противные гриппозные симптомы, всё-таки он слишком перенервничал, но отступить не собирался. Выпрямил спину, обвёл глазами группу:

– На прошлом уроке вы отработали блестяще. Сегодня у нас новая тема, и в ней мы будем разбираться вместе. Итак: «Обработка информации. Передача и хранение информации».

Урок прошёл на ура. За несколько минут до звонка у Юрия Алексеевича начался кашель. Людмила Борисовна поняла, что его надо спасать, и ринулась к доске:

– Дорогой 10 «Б», вы сегодня порадовали нас, как никогда. Вы вырастаете, и на вас приятно смотреть! А Юрию Алексеевичу отдельное спасибо за урок. Два в одном – профессионализм и творчество!

В предбаннике её ждала Надежда Николаевна, ей уже стукнуло 70, но на пенсию она не собиралась.

– Вы ко мне?

– Да, Людмила Борисовна, это очень важно...

– Садитесь. Я вас слушаю.

Надежда Николаевна распахнула круглые, как у совы, глаза и почему-то зашептала:

– Правда, что у нас в школе СПИД?

– Кто вам сказал такую чушь?

– Весь коллектив знает. Мы боимся, а вдруг этот Одинцов нас заразит?

Людмила Борисовна подавила улыбку:

– Вам ничего не угрожает. Мы же не в каменном веке, у нас информации – море! ВИЧ – это не СПИД, уж вам-то точно не угрожает ни первое, ни второе. Кстати, существует статья, по которой вич-инфицированный может работать так же, как и остальные. Эти люди не опасны! Это понятно!?

– Да, конечно.

– Идите и не сплетни больше не разносите!

Юрий Алексеевич лежал дома под тёплым одеялом и не мог согреться. Мать поставила перед ним полную кружку чая, дала сухую майку:

– Юрий, надо идти на больничный. Так нельзя.

Без очков его взгляд был беззащитным и детским:

– Мам, это невозможно... Я только приручил их... Я пойду на работу.

Утром директрисе нанесли визит. По коридору продефилировала красивая женщина в норковой накидке. Вслед за секретаршей зашла в кабинет, не дожидаясь приглашения, села, закинув ногу за ногу.

– Я Гершунина, – это было сказано как «Я королева Елизавета». Это была жена заместителя мэра города.

– Я вас прекрасно помню, Лариса Валерьевна. У вас проблемы?

– Проблемы у вас. По какому праву вы в элитное учебное заведение принимаете сомнительных учителей?

– Это не сом...

– Он должен быть уволен.

– Но законодательство на его стороне...

– Тогда будете уволены вы, – Гершунина взметнула норковым подолом и вышла из кабинета, чуть не сбив секретаршу.

К концу рабочего дня вымотанная директриса сидела за столом, уставившись в одну точку.

– К вам тут, Людмила Борисовна, – Светочка, улыбаясь, пропустила Нинку Решетняк из 10 «Б». Девочка зашла в кабинет, строго посмотрела на Людмилу Борисовну:

– Здравствуйте! Мы всем классом решили, что имеем право выразить своё мнение. Вот! – она положила на стол письмо и вышла.

Что здесь? Час от часу не легче... Людмила Борисовна нацепила очки:

– «Мы цивилизованные люди и знаем, что такое ВИЧ. Мы также знаем, что для нас он не опасен... Стыдно преследовать человека за то, что он болен. У него и так тяжёлая жизнь... Это самый лучший учитель в школе... Мы хотим заниматься только у Юрия Алексеевича.» Из 25 детей подписались 20. И первая – «неудобная Нина Решетняк» – слишком правдивая, слишком независимая, как говорили учителя... Людмила Борисовна расплакалась.

Юрий Алексеевич всё же ушёл на больничный, дома то апатично сидел перед телевизором, то мерил шагами комнату. Мать как-то робко подала голос:

– Юрик, может, уволишься? Тяжело тебе.

– Нет, я первый раз почувствовал себя нормально, мама. Я ни в чём не виноват... Я там на своём месте! Больше, чем эти старые клушки.

Он стоял в учительской перед расписанием. Тяжело дыша, подошла Надежда Николаевна:

– Вы тут болеете, а из-за вас Людмилу Борисовну увольняют...

Он нервно сглотнул, вытер вспотевшую ладонь о пиджак, протёр очки и медленно вышел из кабинета.

– Это правда, Людмила Борисовна? У вас из-за меня неприятности?

– Юрий Алексеевич, закон на нашей стороне.

– Знаю. Но и для вас, и для меня могут создать невыносимые условия. Я вашей жертвы не приму.

Не глядя на улыбающуюся секретаршу, он написал заявление об уходе. Провёл уроки, собрал книги, на выходе услышал звонок мобильного:

– Зайдите ко мне, Юрий Алексеевич.

В предбаннике никого не было, и это показалось ему хорошим знаком.

– Я связалась с коллегами. Вас возьмут в другую школу. Правда, это пригород, ездить далеко, да и контингент там, сами понимаете... сложноватый.

– Спасибо вам...

– Вот послание, прочитаете дома, – Людмила Борисовна протянула ему письмо, – Да, трое из 10 «Б» хотели бы заниматься с вами дополнительно. Их родители согласны.

– Возьмётесь?

Закончив рассказывать, Юрий откашлялся, в его голосе чувствовалось волнение, он снова пережил события десятилетней давности:

– Вот такая история.

– И как вы сейчас? Вы остались в той школе? – посыпались вопросы.

– Нет, город маленький, без сплетен никак... мама, бедная, боялась знакомых встречать.

– Какая дикость, а ещё живём в цивилизованном государстве, – заметила женщина-врач.

– Я уехал в Москву, хотел уйти из профессии, но всё время вспоминал Людмилу Борисовну. Это лучший учитель и лучший директор на свете. Уйти – значило для меня предать её. А она мне верила. Я долго искал альтернативу, потом по интернету нашёл толковых ребят, и мы запустили проект «Школьные предметы по дистанционке». В Москве это оказалось очень востребованной услугой. Вот уже восемь лет у нас хороший и стабильный заработок. Даже сейчас.

– Есть близкие друзья, тоже с таким диагнозом, помогаем друг другу, поддерживаем... Юра помолчал, потом тихо, будто стесняясь чего-то, добавил:

– Если в жизни появляются люди, которые в тебя верят, – это великое счастье. И оно может задать тон всей остальной жизни. Людмила Борисовна готова была меня защищать, это не поза, это был её принцип. Даже ценой собственной карьеры...

Было почти три часа ночи... Расходиться не хотелось... Наконец одна милая дама сказала:

– Пора расходиться... И Гагарину нашему успокоиться надо, надо же, какие воспоминания на свет Божий вытащил. Удачи тебе, Юрочка!

Юрий на минуту почувствовал себя именинником, когда все уходили, похлопывая его по плечу.

В комнате Николай не скрывал восторга:

– Ты такой скромный, даже тихий какой-то, а стержень в тебе... будь здоров! Закончится эта свистопляска – милости прошу! Очень хочу, чтобы у меня такой друг остался!

– Коля! Да с удовольствием!

Следующий день прошёл гораздо быстрее предыдущих. Отоспавшись, каждый с нетерпением ждал наступления ночи.

Собрались минута в минуту, заняли места на узлах с бельём... Первой тишину нарушила женщина:

– Я не могла уснуть всю ночь... Наверное, в жизни каждого есть люди, события, от которых, как мне кажется, зависит многое. А если мы неправильноотреагируем, то можем всё усложнить... Извините, я путаюсь... Не могу чётко сформулировать мысль. Хотя я тоже учительница, Елена Николаевна, преподаю русский язык и литературу. У меня мама в санатории заболела, еду забирать домой. Вот такая я...

Женщина осветила себя фонариком телефона, и все увидели миловидное лицо, немного смущённое, открытое. Ей было лет сорок, рыжеватые волосы собраны в хвост. Даже сюда она пришла в туфлях, юбке и блузке.

– Сегодня, если позволите, я буду хозяйкой, – она посветила ещё раз фонариком и передала Николаю бутылку вина.

– Вчера Юрик так искренне рассказал нам о себе... Меня, как учителя, заинтересовала директриса. Ведь не секрет, что тон работы учителя зависит от администрации. Вот в моей жизни всё было по-другому...

История вторая. Случай из педагогической практики.

– Я тебе говорю – ставь! – не то прошипела, не то громко прошептала директриса. Взяла со стола чёрную гелевую ручку для заполнения аттестатов и с силой всунула в руку Елены Николаевны.

На столе лежал бланк аттестата, новенький, неизвестно откуда взявшийся – все аттестаты заполнили вчера. Красиво было написано только ФИО: Белоносов Пётр Борисович.

Лицо Елены Николаевны пылало, в горле пересохло, ей не хватало воздуха. Запульсировало в висках. Сосуды, переполненные кровью, готовы вот-вот разорваться. Если бы это случилось, Елена Николаевна была бы счастлива. Но нет... Ручка в руках, аттестат перед ней...

– Я Белоносов Борис Степаныч, – всплыло в её памяти.

Это было перед Восьмым марта, впервые пришёл отец Пети Белоносова. Раньше на собрания приходила только мать, женщина стеснительная и немногословная. 11 «В» собирався есть торт, когда в кабинет вошёл этот... Кепку не снял, уверенно прошёл к учительскому столу, фальшиво улыбнулся, протянул пакет и слегка несвежий букет. «Ханурик какой-то», – мелькнуло в голове.

– Спасибо, – она взяла пакет, потому что сквозь него просвечивали «Родные просторы».

– С праздничком! Нам бы пошептаться, – заговорщически улыбнулся он.

По-хозяйски оттеснил к окну, заговорил вполголоса:

– Аттестат нужен отличный, Петька – лоботряс, понятно, но с кем не бывает... это никого не колышет. Поступать будет в хороший вуз. Договорись с коллегами. Время есть ещё. Мать, клуша, упустила паренька, но будь человеком – помоги, не выделяйся. Отблагодарю, не бойся...

Елена Николаевна опешила, еле слышно ответила:

– Я? Боюсь? Что вы себе позволяете? Почему на «ты»? Пете итак четвёрки дарят учителя. Я не могу...

– Не хочешь? Тогда пеняй на себя. Я хотел по-хорошему. Поставишь как миленькая, – он вышел, не меняя улыбки.

До конца четверти ходила под впечатлением. Когда вспоминала хищную усмешку Белоносова-отца, в районе солнечного сплетения появлялось сосущее чувство тревоги, холодело всё внутри. Коллеги посочувствовали и дали совет – пойти и спросить у директрисы. Такого в их практике никогда не было.

По предварительной аттестации Белоносов Пётр имел почти все четвёрки, физик поставил свою только после долгих уговоров Елены Николаевны – она побоялась усугублять ситуацию.

На весенних каникулах после педсовета Елена Николаевна зашла в кабинет директора. Долго мялась, путалась, пока директрисе это не надоело:

– Да говори как есть, – она всем учителям говорила «ты», – не мямли!

Елена Николаевна рассказала всё, как ни исповеди. И про букет, и про конфеты. Так стыдно и мерзко ей никогда ещё не было. Директриса внимательно посмотрела на неё:

– Вижу, не врёшь. Ставь что есть, нечего на поводу у наглеца идти.

Елена Николаевна вздохнула с облегчением – надо было раньше спрашивать, а то сама себе такой армагеддончик устроила. Апрель прошёл в обычных хлопотах, в подготовке к ЕГЭ, репетициях Последнего звонка. Сразу после майских Елену Николаевну прямо с урока вызвали в кабинет директора. Это не обещало ничего хорошего. Она стояла в «предбаннике», теребя шнурок от платья, и пыталась хоть что-то узнать у секретарши, та неопределённо пожала плечами:

– Вроде «телега» на вас из прокуратуры, наша с утра рвёт и мечет. Но я вам ничего не говорила...

Елену Николаевну словно парализовало, она вцепилась в спинку стула, глубоко вдохнула, спазм мешал выдохнуть. Мозг напряжённо заработал, она вспоминала все конфликты, свои просчёты, перебирала имена детей. Ничего такого, чтобы ей заинтересовалась прокуратура! Это ошибка!

– В кабинет зашла на ватных ногах, голова в пол.

Директриса не торопилась, молчала, видела, что Елене Николаевне было плохо, что та напугана и не владеет собой. Курица безмозглая! Что ж, в этой ситуации чем хуже, тем лучше.

– А ты мне соврала, когда на Белоносова жаловалась. Я и не знала, что ты такая артистка!

– Я! артистка? Какая? Почему?

Директриса помахала листком бумаги:

– Намеренно занижаешь оценки, вымогаешь деньги, обещаешь за это отличные аттестаты. Он тебе, между прочим, не с конфетами пакет приволок. А то как правдиво всё преподнесла! Прямо пострадала от наглеца! А теперь меня в прокуратуру вызывают. Поняла?

– Там не было никакого конверта, я бы его заметила.

– А этого, милая моя, теперь никто не знает! Иди да смотри – никому! Я попробую сама решить вопрос. Если нет – готовься сама с органами беседовать. Иди работай!

Елена Николаевна не помнила, как дошла до кабинета. Ей представилось, что на её месте уже сидит следователь. Кошмарнее недели она в своей жизни не помнила. Никому об инци-

денте не рассказывала – боялась и директрисы, и сплетен. Что делать? Выход напрашивался сам собой – увольнение! Елена Николаевна даже как-то села за стол, положила перед собой лист бумаги... Увольнение за две недели до экзаменов, кто ж ей позволит? Это, как минимум, беседа в отделе образования. Что она скажет? Маленький город, все на виду, страшно подумать, что будут говорить за её спиной: «Выгнали, уволили, взяточница, воровка...» Как она будет смотреть в глаза своим детям, тем, кто ей верил, кто искренне уважал. Представила, как ученики будут при встрече делать вид, что не узнают... Как же она оказалась в таком положении? Ответа не было.

А жить на что? Она одна с сыном. Помощи ей неоткуда было ждать, алименты приходили копейечные и то нерегулярно, бывший, как обычно, частенько бывал без работы. Если она всё-таки уволится, то и отпускные выплатят не все, как же скоротать лето? И так придётся ехать к матери в деревню, а та на инвалидности. Да и как рассказать матери о таком? Она всю жизнь учила жить так, чтоб никто ни одного дурного слова... Елена Николаевна прижала ладони к пылающим щекам. А если учесть, что работу она здесь не найдёт, то... ситуация выходила из-под контроля. В сумке лежал грандаксин, валокордин и много ещё всего, чего раньше она не знала. Каждое утро с ужасом просыпалась, через силу вставала и шла на работу. Сын, который учился в этой же школе, иногда со страхом всматривался в её лицо и ничего не понимал.

Директриса больше не вызывала, но на каждом совещании выяснялось, что Елена Николаевна не сдаёт вовремя документацию, в её классе масса нарушений, опозданий и так далее. Родители жалуются на слабую подготовку к экзаменам. Это было впервые за всю её пятнадцатилетнюю педагогическую деятельность.

Выходные перед последним звонком. Как она ждала этого дня, ведь это был первый выпуск! Она мечтала, как в красивом платье под звуки вальса выведет своих, таких уже больших детишек. Сколько пережито за эти семь лет... Сколько вложено в каждого... Даже в Белоносова... Вот вам и праздник... Она уж точно запомнит его на всю жизнь...

В субботу обещала подруге встретиться. Усилием воли заставила себя принять приглашение поехать к ней на дачу. Подруга была замужем за главврачом городской поликлиники, и Елена Николаевна подумала: вдруг у него есть какие-нибудь знакомые там, «наверху». Вдруг можно найти какую-нибудь защиту... Но от этой мысли ей стало противно, и она решила, что ничего рассказывать не будет. Не нужны никому чужие беды.

Подруги сидели на террасе и пили пиво. Терраса была уютная, вокруг яркие клумбы, вдоль дорожки – можжевельник, туи. Красота! Елена Николаевна расслабилась:

– Здорово тут у вас, в Глебовке. Дома, наверное, дорогие...

– У кого на что денег хватает. Кстати, вот по соседству директриса твоя строит! Хочешь покажу? Не дом, а замок.

Подружка провела Елену Николаевну за баню, где в заборе была большая щель. Елена Николаевна заглянула внутрь и обомлела – Белоносов-старший орал на рабочего:

– Идиот! Только так, как я сказал! Я прораб здесь! Понял!

Сначала она обрадовалась и остаток дня провела относительно спокойно. Но вернулась домой, и тревожно-истеричное состояние снова охватило её. Ну знает она теперь, что директриса её подставила. И что? Это ничего не меняет. Оставалось ждать.

Сдали ЕГЭ, подготовили ведомости для заполнения аттестатов. У Елены Николаевны был прекрасный почерк, аттестаты заполняла каждый год, понятно было, что и своим детям будет заполнять сама. В этот раз было особенно трудно: нервы на пределе, потому что Елена Николаевна страшно боялась «запороть» бланк. Она всё ещё была под «артобстрелом», ошибаться было нельзя. И так некоторые коллеги перестали с ней общаться, боясь впасть в немилость. Да и те, с которыми были приятельские отношения, старались сочувствовать без свидетелей.

Утро перед выпускным. Елена Николаевна сидела в парикмахерской. Разглядывая себя в зеркало, отметила новую вертикальную морщину на лбу, настороженный взгляд, круги под глазами... А ведь она была очень хорошенькой женщиной. Звонок телефона оторвал её от невесёлых мыслей. Её снова вызывали. Сердце учащённо забилось, слюна во рту приобрела противный вкус. С мокрыми волосами она встала с кресла под удивлённым взглядом мастера...

С едва высохшей головой зашла в школу, в коридоре директриса принимала букет от Белоносова с лучезарной улыбкой. В кабинете же слова зазвучали, как выстрелы: жестоко, коротко.

– Бери чистый бланк и заполняй. Молча, быстро, аккуратно, без эмоций.

– Это называется круговая порука? – попыталась защититься Елена Николаевна.

– Мне плевать, как это называется. У тебя сын здесь, кажется? И город у нас маленький. Доказательств у тебя нет. И никто тебе не поверит.

Елена Николаевна заполнила аттестат Белоносова Петра Борисовича, круглого отличника.

Это событие отравило ей весь отпуск. Даже после того как Елена Николаевна всё рассказала матери, легче не стало. Не было дня, чтобы они не вернулись к этой теме. Вечером, после ужина, напавшись в огороде, она садилась на старый скрипучий стул и, обняв себя руками, покачиваясь, повторяла одно и то же:

– Не могу я, мама, не могу себя заставить туда идти, я всё равно что сама на себя наступила.

– Ничего, Леночка, вместе уедем, выкрутимся...

Но чем ближе подходил сентябрь, тем резче менялся тон матери. Она всё чаще рассказывала о трудностях своей жизни, как стала инвалидом, работая по совместительству, часто без выходных и отпусков. Ухаживала за больными родителями. Зарабатывала на обучение единственной- ненаглядной Леночки... Которую она растила одна, ради которой жила...

Выкопали картошку, сложили её в мешки. Охая, мать дотащила мешок до сарая, села на скамью, шумно перевела дух, вытерла пот:

– Хочешь, как я? Ну давай... Только на долго ли тебя хватит... А в школе что? Сиди да рассказывай деткам. Я б за такую работу терпела что угодно...

28 августа состоялся педсовет. Директриса была весела и приветлива. Любуясь собой и демонстрируя новое платье, поздравила всех с началом учебного года. Уходя домой, Елена Николаевна столкнулась с ней в дверях, та вроде бы доброжелательно бросила:

– Чё смурная такая?

Елена Николаевна впервые почувствовала, как напряжение отпустило. Неужели всё закончилось? И этот страшный сон тоже...

29 августа она взяла личные дела нового 5 класса, в который была назначена классным руководителем. Раскладывая папки, вполголоса читала:

– Аникина Юлия, Андреев Роман, Барсова Ирина, Белоносов Василий... Борисович...

– Ого, как оно бывает, – протянул кто-то в темноте, – средю б не подумал, что в школе такое может быть...

– Как вы это пережили? – спросила женщина-врач.

– Год прошёл относительно спокойно. Она перестала меня трогать. А я из кожи вон лезла... Нужно было быть лучше всех... Хотя понимала, что это не спасёт. Кстати, с Белоносовыми всё стало как раньше: отец не появился ни разу, мать приходила только на собрания, всё такая же молчаливая и забитая.

– А что сейчас с этой директрисой? – спросил Николай.

– А через год она уволилась... Жалоба на вымогательство была настоящей, но её предупредили, она срочно уволилась и уехала куда-то.

– А вы? Что изменилось у вас? – допытывалась врач.

– Потом у нас сменилось ещё два директора, но все они были похожи на нашу... А я только через год поняла, что себя надо учиться отстаивать. Я ведь всегда была бесконфликтной, знаете: «худой мир лучше доброй ссоры». И потом... боялась остаться без денег, боялась за сына, за репутацию... Всё боялась и боялась... А если бы тогда нашла в себе силы отстоять себя, то жизнь была бы совсем другой. И не было бы гипертонии, бессонницы и остальных сопутствующих учительской работе товаров, – грустно подвела она итог.

– Да, школьные учителя, как правило, не отстаивают свои интересы, не идут на конфликт с начальством. Это проблема системы, а не отдельного человека, – заметил Юра.

– Бесстрашных в нашем обществе мало... Да и откуда им взяться, если во многих семьях страх переходит из поколения в поколение, – снова включилась в разговор врач, – пора расходиться. Всем доброй ночи. А можно я завтра расскажу свою историю?

Следующий день ничем не отличался от остальных: измерение температуры, то же надоевшее уже меню, обход врача. Когда доктор уже выходил из палаты, Николай напрямик спросил:

– Скажите пожалуйста, а среди нас точно заболевших нет?

Врач отрицательно покачал головой:

– Нет, все в том же состоянии, что и по прибытии. Ни одного ухудшения самочувствия. Так что есть все основания предположить, что после карантина вы все свободны.

– Спасибо.

Дверь закрылась.

– Нас собирается всегда десять человек. А почему интересно, не приходят ещё четверо?

– А боятся, Коля, просто боятся. А вдруг что! Прямо на нашу вчерашнюю тему.

– Сдаётся мне, Юрик, что мы эту тему только начали.

Так и оказалось... Когда все расселись по узлам, телефонный фонарик осветил женщину-врача. За пятьдесят, лицо строгое, неулыбчивое, губы поджаты, глубокие морщины на переносице, видно, что часто хмурится. Во всем облике что-то чиновничье, начальственное, хотя в отличие от Елены Николаевны, соблюдавшей даже здесь «дресс код», врачиха приходила в тапочках и пижамных брюках.

– Уважаемая, вы хотели сегодня рассказывать, – напомнил голос с кавказским акцентом.

– Меня зовут Олеся Сергеевна, я главврач районной поликлиники. Я очень внимательно слушала и Юру, и Елену Николаевну, мне бы тоже хотелось рассказать свою историю... Тоже про страх, но у у меня как-то всё грустнее...

История третья. Фото из семейного альбома.

Олеся похоронила родителей и продала дом. Из родительского гнезда взяла только самое необходимое. Книги решила отдать в интернат, в библиотеку.

Складывала их в коробки, из «Воскресения» Толстого выпала фотография.

Под деревом на стульях сидят дед и бабушка. По бокам – мама с папой, тётя Нина и дядя Коля. Олесю, совсем маленькую, коконом завёрнутую в пелёнки, дед держит на руках.

Олеся совсем забыла это фото. Это был единственный портрет их семьи. Удивительно, оказывается, дед мог держать её на руках. А она всегда панически его боялась. Дед неулыбчивый, кустистые нахмуренные брови, строгий взгляд, крючковатый нос. Он был неласков, немногословен, подчас груб.

Детей называл дармоедами, внуков не замечал. Олеся не любила ездить в деревню, а уж если оставляли там, то... её слезам не было конца. Бабушка готовила пшённую кашу с салом, ругалась, что внучка час целый сидит за тарелкой, гоняла в огород – то травки цыплятам нарви,

то воды им налей, то повилуку подёргай. То ещё что-нибудь... И весь день бегай и думай, как бы деду на глаза не попасться.

Ей было 6, когда дед умер. Страшно было заходить в комнату, «залу», как называла бабушка, где стоял гроб. Что-то зловещее было под простыней, которая целиком закрывала трюмо с большим зеркалом. Похоже, как будто там кто-то сидел. Олесья сжалась в комок, делала очень маленькие шаги, но мать тянула её за руку. Дышать было нечем, воздух был плотный и серый, его можно было брать руками и лепить комочки, как снежки. Олесю удивило, что взрослые и остальные дети безропотно позволяют этому воздуху окутывать себя, а ведь надо махать руками, иначе он окутает так, что не вырвешься.

Самый страшный момент – взрослые расступились и дали матери, как старшей дочери, место у изголовья. Она поставила Олесю рядом, и девочка оказалась на одном уровне с головой деда. Запавшие глазницы, сжатые губы, на лбу бумажка с крестиками. Почему лицо такого цвета? Напоминает куриную лапу, которую бабушка чистила для холодца. Олесья один раз прикоснулась к ней пальцем и выбежала во двор. А вдруг он сейчас откроет глаза? Олесья опустила голову и стала рассматривать нижнюю планку гроба. Мать положила руки дочери на плечи, руки были свинцовыми, они словно пригвоздили Олесю к полу. Этот ужас был нескончаемым. Она скривилась, сжалась, личико расплылось в некрасивой гримасе. Но мысль напряжённо работала.

– Кто же будет теперь смотреть сквозь неё? Неужели все её ужасы закончились?

И друг она сделала открытие – больше никто не будет пугать её, она не будет доедать мерзкую пшёнку и глотать кусочки сала. Больше никто не заставит рвать траву курам, относить «пойло» ужасному поросёнку. Это дало силы вытерпеть всё до конца.

С того времени страх для неё приобрёл цвет и плотность, и зарождался он не внутри, а снаружи.

Мать едва успевала утирать слёзы, весь её прежний мир рушился. Она, как и все трое детей, боялась отца, старалась не попадаться ему на глаза лишний раз. Но когда он был жив, всё было ясно, он всегда говорил, кто хороший, кто плохой, что нужно делать. У неё уже была дочка, она воспитывала её так, чтобы отец не делал ей замечаний. Будучи старшей дочерью, Маша всю жизнь свою жила с оглядкой на него – что скажет? Будет ли доволен? Не дай Бог, раскричится. Она обращалась к нему на «Вы», считала истиной в последней инстанции. Сейчас же она была растерянна, несмотря на то, что сама не знала, любила ли она его:

– Папа, папа, что же вы так... Оставили меня одну.

Маша работала товароведом в большом магазине, и дед в приказном тоне говорил:

– Купи Нинке сапоги, купи матери кофту.

Он не спрашивал, легко или трудно во время тотального дефицита выполнить его поручение. А она краснела и путалась в словах, когда шла к директору выпрашивать разрешение. И директора, интеллигентного, понимающего мужчину, она боялась так же, как отца. Сама не могла объяснить за что. Поэтому просить что-то для своих детей язык не поворачивался.

Папа, папа, смогу ли я одна поднять их всех? То одному что-то надо, то другой. Нина уехала учиться, ей вещи тёплые нужны... Что делать? Кто останется с мамой жить? Родной дом опустел. Маша чувствовала себя одинокой и несчастной. Отец предал её своим уходом.

Тётя Нина приехала из другого города. Она тоже стояла рядом с матерью. Взгляд застыл на иконке, которую вложили в руки покойного. Нина думала о своём:

– Какое счастье, что я не побоялась уехать в другой город. Тогда все страхи жизни меркли перед ощущением свободы – лишь бы не называли больше дармоедкой, не смотрели исподлобья за столом и не бросали обидные замечания.

Она и замуж вышла без разрешения – этого оказалось достаточно, чтобы на долгие годы быть отлучённой от семьи. А ей только это и надо было! После похорон мать будет просить остаться, расплатится, сестра Маша тоже обидится, что она ненадолго, но ведь ей надо

на работу, дома двое пацанов и Толик – такой же пацан. Как же она уже соскучилась за ними! Она уже представила, как они будут в аэропорту встречать её и виснуть на шее. Украдкой оглядела родных: как же всё-таки они все трое похожи на отца... И внешне, и характерами.

Иногда у себя дома Нина ловила себя на мысли, что она, как отец, весь день ходит недовольная и молчит. Тогда она стряхивала с себя это настроение и просила прощение у Толика, у пацанов. Иногда могла грубо оборвать сыновей или мужа. И снова извинялась... Пока Толик однажды не сказал:

– Нинусь, может, сначала мозги включать, потом эмоции... Потренируйся. Что за пацаны вырастут, если мать родную боятся?

Нина случайно бросила взгляд на маленькую племянницу, сестра пригвоздила её к месту рядом с собой, иногда одёргивала, когда малышка перебирала ножками:

– Стой спокойно, кому говорю.

Зачем она притащила эту кроху сюда? Неужели не понимает, что ребёнок боится?

Нина обошла сидящих возле гроба и взяла племянницу за ледяную ручку:

– Маша, я заберу лялечку, она замёрзла, заболит ещё...

Маша была недовольна, но возражать не стала. Не ссориться же с сестрой... А как ещё почтение к старшим воспитывать?

Средний брат, Коля, ждал, когда уже можно было уйти во двор, пропустить рюмочку с другими. Но мать с возмущением так глянула, а потом и Машка, что желание сразу пропало. Интересно, перепадёт что-нибудь ему? Хотя мать – единственная наследница. А деньжата у старого водились, на зооферме был ветеринаром. Что на стол поставят? Хорошо бы борщ со свининой, голубцы, картошку с поджаркой, блины. Под ложечкой засосало. Позавтракать не успел:

– Колька! На кладбище договорился? Петрович машину даст? Почему не спросил?

Гоняют, как пацана малого, Машка туда же вслед за матерью. Нашли крайнего.

Деда не стало, но в доме теплоты не прибавилось... Олесе всё так же хотелось плакать, когда они подъезжали к дому бабушки. Снова куры, поросёнок, грядки... Иногда бабушка кормила их всё той же кашей. Олеся не спорила, но старалась потихоньку выбросить её в помойное ведро.

Олеся пошла в первый класс. С первого дня стало ясно, что мать будет контролировать каждый шаг. Не дай Бог, в дневнике появится замечание! А тройка и двойка приравниваются к страшному преступлению.

Однажды заигралась, уроки не выучила, а мать пришла с работы злая. Отец тут же собрался убежал в мастерскую.

– Олеся, неси дневник и портфель!

Вот это да! Что же теперь будет!?

Мать села на кровать в детской, Олеся поставила напротив. Доставала из портфеля все тетради, не пропускала ничего! Уже в десятом классе Олеся будет называть это обыском и, конечно, избавляться от всех улик! Но в первом классе это было так неожиданно! Мать нашла записку от Ленки, читает... Вот ужас-то!

Досталось по первое число! От пощёчин горело лицо, на руке остались следы пальцев. Обыск сопровождался словами:

– Мама должна всё про тебя знать, она лучше тебя знает, что тебе нужно.

Олеся опустила голову – в этой ситуации всё было знакомое, как будто она повторялась! Мать глянула ей в лицо – это посмотрел дед! И воздух стал серым, плотным, из него можно было лепить снежки...

К тотальному контролю Олеся привыкнуть не смогла. Свои детские, а затем подростковые беды прятала в себе. Как-то поделилась, рассказала о конфликте в классе, думала, может, мама поможет выход найти. Но в ответ услышала:

– Ты в школу учиться ходишь, а не с подружками дружить. Чтобы я больше этой ерунды не слышала. Сама виновата!

Вот это «сама виновата» по поводу и без повода...

Никогда не оговаривалась, не дерзила, а ой как хотелось! Знала – себе дороже.

Ей было семнадцать, и после школы она поступила в мединститут, потому что :

– Мама лучше знает, куда надо поступать. Я жизнь прожила, врачи всегда нужны.

Она уже встречалась с молодыми людьми, но делала это тайком, родителям ничего не говорила и больше всего боялась, что мать узнает, потому что:

– Сначала нужно выучиться, потом замуж. Замуж всегда успеется. Не дай Бог, увижу с кем – будешь бита.

Приходилось врать, выкручиваться.

Закончила институт, радости от получения диплома – никакой! Зато родители накрыли стол, подарили золотую цепочку. У них был праздник. Единственный ребёнок получил высшее образование! Есть чем гордиться.

Тётя Нина позвала жить к себе. Под Самарой в деревнях дают квартиры, нужны молодые специалисты. Олесе было всё равно, куда ехать и где работать, лишь бы от родного дома подальше.

Деревня была большая, райцентр. В отделе здравоохранения приняли сердечно, оформили приём на работу. Когда уходила, женщина из отдела кадров проводила со словами:

– Удачи тебе и счастья, девочка!

Олеся купила на рынке крупные краснобокие яблоки, шла в маленькую гостиницу и хрустела ими на всю улицу. Впервые её захлестнуло чувство безграничного счастья. Свобода! Всё будет по-другому! Она ни от кого не зависит! Да здравствует самостоятельность!

Ордер на однокомнатную квартиру, подъёмные в размере 115 рублей тоже получила сразу. Зашла в комнату, положила на подоконник полюбившиеся яблоки и рассмеялась:

– Вот моя первая мебель!

На работу участковым терапевтом вышла в замечательном настроении.

Через месяц на неё пожаловался пациент. «Жалоба больного – дело привычное, – успокоили коллеги, – а ты ещё и молодой специалист. Не переживай!» Олесю вызвали к главврачу. Волноваться она начала ещё в начале длинного коридора. Зашла в кабинет, главврач что-то писал, на неё не смотрел. Она стояла перед столом и каждой клеточкой чувствовала, как спускается воздух и приобретает серый оттенок. А она-то была уверена, что это ощущение осталось в родительском доме. Главврач был не в духе, поэтому строго предупредил Олесю и отпустил. Но этого оказалось достаточно: Олеся весь день ходила сама не своя...

– Дурочка! Ты из-за каждого пустяка так переживать будешь? Да это только начало! Ещё года два-три по головке гладить будут, а уж потом... – успокаивала её коллега.

«Это было – гладить по головке?» – всю ночь думала Олеся, ворочаясь в постели.

– А вдруг родители узнают? – у неё всё похолодело внутри. Но это была совсем абсурдная мысль, с ней Олеся и заснула.

Утром она решила, что это был последний раз, когда её вызывали «на ковёр». Остаться на дополнительный приём? – конечно! Принять участие в конференции – с удовольствием! Собрать сведения о пенсионерах – я это сделаю после работы. Главврач давно обратил на неё внимание, но вызывать к себе не любил – стоит, голову в плечи спрячет, взгляд запуганный. Говорит запинаясь. Хотел как-то похвалить за отличную статью на конференцию, но язык не повернулся – раздражал весь её вид.

К тридцати годам Олеся была завотделением, с работой свыклась. Исправно звонила родителям, на извечные вопросы матери: «Начальство тобой довольны? Плохого о тебе в поликлинике не говорят? Ты не грубишь?» – отвечала одинаково. «Довольно», «Не говорят», «Не грублю никому».

С личной жизнью не складывалось – некогда было.

Перед диспансеризацией ветеранов работы было очень много. Новенькая медсестра подвела, не подготовила вовремя карточки. Олеся, раздражённая с утра, не сдержалась:

– Совести у вас нет, работать пришли – так работайте. Или мозгов не хватает?

Медсестра, закусив губу, выскочила. Олеся, сама собой удивлённая, даже улыбнулась:

– Ого! Как я могу! – ей захотелось расправить плечи.

К пятидесяти она стала главврачом своей поликлиники. Родителей похоронила одного за другим. Вступила в наследство и приехала продавать дом. Долго сидела на полу, рассматривала фото, особенно деда.

– А умел ли он любить? – вдруг подумала она, – а его любили? В памяти пронеслись картины детства, юности, и Олеся сделала открытие: мать удивительно похожа на деда, а сама Олеся... на мать. И дед за своей суровостью скрывал страх, и мать тоже. А теперь и Олеся...

– Она последняя, кто сполна заплатил за него. Одиночеством.

– Вай, но это же не жизнь, это ад на земле, – нарушил молчание всё тот же мужской голос с армянским акцентом, – как вы теперь будете дальше?

– Не знаю, скоро на пенсию, молодые и зубастые наступают на пятки. Хоть бы до пенсионного возраста доработать. А то у нас в системе всякое бывает...

– А ведь вы врач, неужели вы не могли попросить помощи у коллег, у психотерапевтов, например.

– Я думала, но пересилить стыд, который испытываешь, рассказывая о своих проблемах, не смогла. Непросто это, ворошить своё грязное бельё. Да я бы и здесь не решилась, но вот Юрочке спасибо и Елене Николаевне. Хотя, знаете, после нашего карантина, может быть, и решусь... Когда я вам рассказывала, мне показалось, что всё не так безысходно.

С тем и разошлись. Прощаясь, Олеся Сергеевна в нарушение всех правил, которые она призывала всех соблюдать, каждому пожала руку.

И снова ждали наступления ночи. И каждый думал о том, насколько непрочны и зыбко внешнее благополучие... И нет, наверное, человека, у которого не было бы своего скелета в шкафу. Перед следующим собранием все получили коротенькую СМС-ку: «Захватите с собой хрусталь».

Заняли уже привычные места. Телефон осветил крупного мужчину, с сединой в густой шевелюре и тяжёлым подбородком. Кустистые брови, карие, почти чёрные глаза. Кавказский акцент в сочетании с низким голосом привлёк внимание, все мгновенно замолчали.

– Я Кайфеджан Виген Саркисович, предприниматель, мой род много лет живёт в Крымске, с 1915 года. Я возвращаюсь из Москвы домой, где заключал хороший контракт со своим новым партнёром. И встретили вот с племянником гостя из Франции. Извините мой русский, делаю ошибки... Но так задело за живое... Мне всех жалко, и я так думаю, что боится каждый. У кого-то страх больше, у кого-то меньше.

– Сначала хочу поднять тост за тех, кому пришла в голову эта гениальная идея, – Виген, подсвечивая фонариком, разлил армянский коньяк.

– Я весь день думал, о чём рассказать. И вот... В нашей семье из поколения в поколение переходит история. Она настоящая. В ней всё правда. О первой женщине, которая приехала в Крымск из Турции, где в апреле 1915 года совершилось страшное преступление, это когда турки убили почти всех армян. Она умерла больше двадцати лет назад, но мой отец так восхищался и любил свою прабабку, что всё записал. Ему один журналист помог. А я знаю наизусть. Расскажу по-писаному.

История четвёртая. Бегство.

– Акоп, вас будут резать! – краем уха услышала Бегруи, которая прошмыгнула во двор накормить собаку. Голос донёлся из-за закрытой двери домика для гостей.

Что это значит? Кого вас? Когда? Кто? – масса вопросов – и ни одного ответа. Такого ужаса она ещё не испытывала, даже когда тридцатипятилетний Акоп, которого она видела всего один раз, зашёл к ней, пятнадцатилетней, после венчания в спальню.

Тревога мешала ей заниматься ежедневными делами, она то и дело подносила к горящим щекам ледяные руки, пила воду, но легче не становилось.

Гость ушёл поздно, Бегруи только увидела, как мелькнула красная феска у калитки, – значит, кто-то из чиновников... Проводив гостя, Акоп не зашёл в дом, сел под яблоней, о чём-то задумался. Может, она ослышалась? Тогда почему Акоп так озабочен? Или она что-то сделала не так? Стол накрыла как полагается – ни одного свободного местечка – ничего не пожалела для гостя. С тех пор как началась война, жизнь перевернулась с ног на голову, не знаешь, чего и ждать.

Будь что будет, надо набраться смелости и спросить у Акопа. Дождалась момента, когда после ужина муж был в хорошем настроении:

– Мард-джан (обращение к мужу в армянских семьях), что это значит?

Тот нахмурился:

– Подслушивала, негодная? Не бери в голову, ерунда, сплетни. Мелют всякое..

Лето 1914 года в Трабзоне выдалось необычно жаркое. В конце недели Акоп поддался уговорам жены и в нарушение всех порядков взял её на базар. Бегруи, закутанная, как кокон, только глазищи видны, сидела на арбе, пока Акоп продавал маленьких ягнят, и смотрела по сторонам. Раньше она была счастлива, когда удавалось вырваться из дома, а это случалось раз-два в году. На базаре было столько интересного! Но не сегодня. Что-то изменилось, в пыльном, нагретом воздухе Бегруи ясно чувствовала тревогу. Оборванец-курд вроде бы случайно налетел на тележку армянина, торговца персиками. Спелые плоды покатались в разные стороны на радость мальчишкам-попрошайкам. Торговец развёл руками:

– Вай! Что это делается? Господь – ты свидетель! Люди добрые!

Курд, не обращая внимания, пнул персик босой ногой и прибавил шаг. Торговля продолжалась, все как будто не заметили его откровенной наглости. Бегруи не могла оторвать взгляд от красной мякоти раздавленного плода. Ей до слёз было жаль торговца, он пытался спасти уцелевший товар, но это было бесполезно.

Эта сцена долго не давала покоя, стояли перед глазами раздавленные персики, словно окровавленные живые существа. Почему никто не помог старику? Почему никто не остановил курда? Какие люди злые.

Люди злые... А вдруг это как-то связано с тем, что она услышала? Бегруи почувствовала себя таким персиком, который пинает чья-то жестокая нога. Ладони стали влажными, губы задрожали. А если это будет с её детьми? Господи! Сделай так, чтобы всё стало, как раньше!

К Акопу обращаться было бесполезно, он говорил ей только то, что считал нужным, а если что-то не мог объяснить, просто обрывал разговор на полуслове. С соседками на кофе она собиралась очень редко. Да и некогда: поди успеешь обслужить мужа, троих пасынков и своих столько же. Весь день как белка в колесе, руки всегда в работе, а голова одним занята: надвигается что-то страшное. Хоть сто раз на дню повторяй: «Господи! Прости и помилуй! Сделай так, чтобы ничего не случилось! Спаси нас!» – а легче не становится. И посиделки не приносили радости, как раньше. Женщины, почти все безграмотные, делились своими домислами, сплетнями. Снова неутешительные новости: беспорядки, кто-то из местных продал всё и уехал в Россию, у Аршака Татевосяна сразу двоих сыновей призвали в турецкую армию, осиротевшая мать поседела за одну ночь. Бегруи каждую новость прикидывала на себя: хвала Всевышнему, старшему пасынку только четырнадцать, а вот если Акопа заберут? Много говорили о бесчинствах курдов, о том, что турецкая полиция на беспорядки смотрит сквозь пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.